

ОБЩИННАЯ ЖИЗНЬ

ТАТЫ НА КАВКАЗЕ: ИЗВИЛИСТАЯ СУДЬБА ОДНОГО ЭТНОНИМА

*Михаил Членов
(Москва)*

Слово «тат» относится к тюркскому лексическому фонду. Точная семантика его не очень понятна, очевидно, еще в эпоху раннего Средневековья этим словом в различных частях тюркского мира называли покоренных тюрками простолюдинов-земледельцев. Крупнейший российский тюрколог Н. А. Баскаков приводит следующие значения этого слова, бытовавшие еще в прототюркском языке: «иноплеменник», «праздношатающийся народ», «вольнонаемные воины». В 19 веке один из немецких востоковедов охарактеризовал значение этого слова как «выражение отношения кичливого, невоспитанного дворянства к промышленному, но бессильному и глубоко павшему народу, который, удалившись в неприступные горные твердыни, сохранял там, до некоторой степени, свою независимость». Иными словами, татами назывались разнобразные, как правило, нетюркские маргинальные и подчиненные социальные группы.

Но уже в эпоху крупных миграций и завоевательных походов тюрк-кочевников слово «тат» начинает принимать и этнонимические значения. Некоторые исследователи усматривают морфему «тат» в таких широко распространенных этнонимах, как «татарин» и «таджик». В тюркском эпосе «Идегей» этноним «тат» иногда употребляется как синоним этнонима «татар». Как известно, древнейшие носители этнонима «татар» были не тюрками, а, скорее, монголами, если не маньчжурами. Они были истреблены по приказу Чингисхана, хотя их этноним по иронии судьбы был перенесен впоследствии на самих монголов, особенно тех, кто перешел на тюркский язык в западной части Великой степи. Таджики стали именовать оттесненное в горы ираноязычное население Памиро-Тянь-Шаньской географической зоны, в те-

чение долгого времени находившееся под политическим владычеством ханств, основанных тюркоязычными властителями. Татары северных предгорий Крыма называли татами жителей Южного берега – будь то греко- и тюркоязычные христиане, в том числе ассимилированные тюрками крымские готы, или тюркоязычные мусульмане. А ногайцы, обитавшие в степной части полуострова, именовали татами не только жителей Южного берега, но и крымских татар вообще. Наконец, этот термин («тот») бытует в венгерском языке, испытавшем немалое влияние тюркских языков и, в частности, в ту эпоху, когда протовенгры еще кочевали по степям Восточной Европы. Венгры называют тотами словаков, то есть, опять же, покоренное ими иноязычное земледельческое население, в данном случае славянское.

Термин «тат» имел воспринимаемое всеми пейоративное, т. е. уничижительное значение. Именоваться «татом» было непрестижно, и, насколько можно понять, те, кого так называли, старались не пользоваться этим обозначением, избегать его. Даже известный горско-еврейский советский общественный и партийный деятель Я. Агарунов, способствовавший внедрению этого этнонима в советскую политическую номенклатуру, отметил в своих воспоминаниях, что «слово “тат” на джагатайском наречии тюркского языка означает “подданный” или “слуга”» (Агарунов 1995:12). В нем выражалось оскорбительное отношение победителя-кочевника к побежденному земледельцу. Возможно, тюрки Центральной Азии первоначально вкладывали в термин «тат» смысл «бормочущий, говорящий на непонятном языке», иными словами, «немой» или «немец», как славяне называли германцев.

Отметим, что большинство земледельцев, покоренных тюркскими племенами (гуннами, сельджуками, татаро-монголами, каджарами и др.), говорили на иранских языках. Это относится к населению самого Ирана, а также оазисов Центральной Азии, западной части Туркестана, Афганистана, современного Западного и Северного Пакистана и частично Закавказья. Данное обстоятельство привело к тому, что в языковом сознании тюрков этого региона понятие «тат» стало преимущественно или даже исключительно обозначать покоренных земледельцев, говорящих на каком-либо иранском языке. Средневековый филолог Махмуд Кашгари (11 век) считал, что тюрки вообще называют «татами» всех, кто говорит по-ирански. Этот своеобразный квазиэтноним бытовал, разумеется, и на территории Большого Ирана, включающей сегодня собственно Иран, Афганистан, часть Пакистана, Китайского Туркестана, центральноазиатские республики и Восточный Кавказ. Иран, как

известно, неоднократно подвергался набегам и завоеваниям со стороны различных кочевых сообществ, многие из которых говорили на тюркских языках. Можно полагать, что они первыми и применили слово «тат» для обозначения различных иранских племен. Этнографическая литература, правда весьма скупо, сообщает о существовании в Северном Иране, вероятнее всего в Иранском Азербайджане, какого-то «татского языка», который отличается от языка восточнокавказских татов. Более подробные данные об этой этнической или этнолингвистической группе мне неизвестны, хотя, полагаю, что они могли бы быть полезными при рассмотрении проблемы происхождения самого этнонима «тат», а также для характеристики групп, обозначаемых этим этнонимом. В сфере российского общественно-политического и научно-культурного дискурса слово «тат» применяется к различным этническим группам Восточного и Северного Кавказа, пользующимся в быту различными диалектами особого иранского языка, который получил название татского.

Вопрос о том, когда тюркоязычное население Восточного Кавказа (азербайджанцы, а может быть, и кумыки) впервые стало называть своих ираноязычных соседей татами, едва ли имеет ответ, базирующийся на каких-либо исторических источниках, поскольку таковых просто нет. Или же они есть, но не обобщены исследователями средневековой тюркской и персидской словесности. Более того, некоторые современные исследователи считают, что этноним «тат», если и применялся в азербайджанском языке до 20 века, то по отношению только к так называемым татам-мусульманам, но никак не к татоязычным евреям и армянам. Эти исследователи склонны полагать, что слово «тат» по отношению к горским евреям и так называемым тато-армянам сначала использовалось в литературе и только позднее проникло в быт благодаря деятельности русских филологов конца 19 века, впервые занявшихся изучением татского языка. Скорее всего, реальность все же была иной: русские филологи воспользовались бытовым этнонимом, или соционимом, бытовавшим в азербайджанском языке, и перенесли его уже в русский язык, где он постепенно приобрел исключительно этнонимическое значение, а со временем стал и предметом жесткого идеологического спора. Задолго до В. Миллера, опубликовавшего первую научную работу о татском языке, этот этноним употребил зачинатель современной азербайджанской историографии Аббас-Кули-Ага Бакиханов в своем историческом труде «Гюлистан-Ирам», написанном на русском языке в 1844 году. Характеризуя население современного Северного Азербайджана и Южного Дагестана, ученый писал: «Таты – армяне и евреи, бывшие в этом

краю, в течение времени смешались большей частью с мусульманами; в Табасаране, Дербенде, Баку, Кубе и Кюре их весьма мало, а в Ширване же и Шеки их больше, чем где-либо... Весь Ширван, исключая татов, армян и евреев, исповедует магометанскую веру суннитского и шиитского толков» (Бакиханов 1991: 21, 26). Совершенно недвусмысленно этот азербайджанский историк называет татами именно немусульман и не применяет этноним «тат» к мусульманам, говорящим на татском языке: «Обитатели восьми деревень в Табасаране – Джалкан, Рукал, Камах, Магатир, Зиднан, Гумейди, Мутаги и Билхади, – находящихся близ развалин города, основанного Ануширваном в связи с Дербендскою стеною, говорят на языке татов, одного из наречий древнеперсидского языка... Все население магалов, расположенных между городами Шемаха, Кудиал, как-то: Геуз, Лагич и Кошулу в Ширванском, Бармак, Шешпара, нижняя часть Будуха в Кубинском уезде и весь уезд Бакинский, исключая шесть деревень терекеме, или туркменов, говорят на том же языке, что свидетельствует об их персидском происхождении» (Бакиханов 1991: 24).

Так или иначе, но с конца 19 века в русской литературе закрепляется этноним «тат», применяемый к трем различным, хотя и родственным в языковом отношении этническим группам: горским евреям, ираноязычным мусульманам Северного и Центрального Азербайджана и Южного Дагестана и небольшой группе татоязычных христиан армяно-григорианского вероисповедания, населявших села Кильвар и Матрасы в Центральном Азербайджане. Насколько можно понять по весьма скудным опубликованным материалам столетней давности, ни один из этих народов не пользовался и не пользуется сейчас словом «тат» в качестве самоназвания. Таты-мусульмане (именно так звучит их официальный этноним в современной России, где он употреблялся при проведении переписи 2002 года) в основной массе своей идентифицируют себя сегодня с азербайджанцами. Происходит интенсивный процесс интеграции мусульманского ираноязычного населения республики в состав азербайджанской нации. Парадоксально, но проходившая в послевоенный период кампания по «татизации» горских евреев стимулировала укрепление азербайджанской идентичности даже среди татов-мусульман Дагестана, не говоря уже о тех, кто жил в Азербайджане. Попытка конструирования «единой татской нации», предпринятая по инициативе советской власти и советской же горско-еврейской элиты, не нашла отклика в среде татов-мусульман. Уже упоминавшийся Я. Агарунов затрагивает эту тему в своих воспоминаниях: «Все (татско-мусульманские. – М. Ч.) поэты прошлых веков свои произведения писали на фарсидском языке, сходном

с татским, но потом, когда стала развиваться и внедряться литература на тюркском языке, таты-мусульмане не стали выделяться, они имеют тяготение к тюркскому, т. е. азербайджанскому языку и культуре. Правда, и сейчас они в семье, в кругу друзей и близких с особенной любовью говорят на родном татском языке, но оторвать их от азербайджанской культуры и литературы невозможно, так же как и татов-армян от армянской литературы и культуры» (Агарунов 1995: 131). И далее он приводит реакцию тата-мусульманина на предложение создания единой татской словесности «для всех татов»: «Знаменитый азербайджанский драматург Джафар Джабарлы, тат-мусульманин, все свои вдохновенные произведения писал на азербайджанском языке, но он не отрицал, что с особенной любовью, конечно для узкого семейного круга, пишет маленькие сказки, небольшие стихи и на татском языке. “Тем не менее, – говорил он мне по-татски со своей снисходительной улыбкой, – не надо это дело затевать, ибо оно не имеет перспективы”» (Агарунов 1995: 131–132). Что же касается тех татов-мусульман, которые сохраняют особую по сравнению с азербайджанцами идентичность, то они, судя по вему, склонны именовать себя «кавказскими персами», по крайней мере на русском языке. Таты-христиане в 90-х годах прошлого века разделили печальную судьбу армянского населения Азербайджана и в настоящее время проживают, по некоторым данным, на Северном Кавказе, где и раньше селились небольшие по численности их группы. Другая часть татов-христиан нашла убежище в Армении, где также происходит их интенсивная интеграция в состав армянской нации. Еще до этого, в период их жизни в Азербайджане, опять же по весьма скудным данным, они не называли себя татами, а либо именовались армянами, либо называли себя по названиям сел, в которых жили. Поэтому, термин «тат», применявшийся когда-то к этим двум группам, которые сегодня с полным основанием можно считать этнографическими группами соответственно азербайджанцев и армян, в настоящее время к ним почти неприменим и уж, во всяком случае, используется только как экзоэтноним, т. е. обозначение извне, а не ими самими.

Таким образом, особую актуальность этот термин приобрел только в горско-еврейской среде. Здесь он уже в конце 19 века стал приобретать идеологический смысл, который на протяжении последующего периода только усиливался. Впервые после Бакиханова мы встречаем этот этноним применительно к горским евреям уже в изданной в 1888 году знаменитой работе первого горско-еврейского просветителя И. Ш. Анисимова «Кавказские евреи-горцы». Автор этой книги, впервые предста-

вившей для русского, как и для любого другого, читателя портрет экзотической кавказской еврейской эды, весьма скептически отзывается о своих единоверцах-ашкеназах, разделяя, вероятно, отношение, широко распространенное в то время среди горских евреев. Он неоднократно подчеркивает недружелюбное отношение кавказских евреев к евреям европейским, в том числе цитируя шокирующие поговорки, типа «нехорошо убивать европейского еврея через горло (резать), а непременно через затылок, чтобы мучить его» (Анисимов 2002: 16). Для Анисимова важно было подчеркнуть отличие евреев-горцев от ашкеназов, и слово «тат» как бы придавало его соплеменникам дополнительную и особую идентичность, не разделяемую с ашкеназами, но зато разделяемую с другими «горцами». В своей работе он рисует некую фантастическую картину смешения евреев в Персии с каким-то «иранским племенем татов, причем одни приняли господствующую языческую религию Моисея между иранцами, вследствие чего, во-первых, теперешний язык евреев принадлежит к группе иранских языков ... а во-вторых, в религии горских евреев остались и до сих пор некоторые языческие верования» (Анисимов 2002: 25).

Для авторов того времени слово «еврей» ассоциировалось, и вполне закономерно, с огромной массой хорошо знакомого россиянам ашкеназского еврейства. Отличие какой-либо еврейской группы от них почти автоматически вызывало, и вызывает по сию пору, вопрос о том, является ли эта группа «подлинно еврейской» или представляет собой потомков прозелитов. С точки зрения сегодняшних научных аксиом, принятых в иудаике, сама по себе постановка такого вопроса некорректна. Если сравнивать горских евреев с персидскими, бухарскими или даже с курдистанскими евреями, то разница будет не столь разительна, как при сравнении с ашкеназами. Никакой необходимости изобретать никогда не существовавшее в Древней Персии «иранское племя татов» в этом случае нет. «Языческие верования» в форме разнообразных народных обычаев и суеверий присутствуют у всех еврейских субэтнических групп, в том числе у ашкеназов, и их наличие практически ничего не говорит нам об их происхождении. Но в том-то и дело, что идеологическая нагрузка этого первого в истории «татизации» использования данного термина заключалась в том, чтобы показать, насколько далеки горские евреи именно от русских ашкеназов, которые, как известно, подвергались дискриминации и преследованиям в царской России.

В дальнейшем «татизация» идет по нарастающей. В советский период горские евреи уже входят как бы с двойным этнонимом. Самоназва-

нием их было и остается до сих пор слово «джухур», татский эквивалент персидского слова «джухуд» («еврей») с характерным для татского языка «ротацизмом» (заменой финального иранского -d на -r). Но в официальных документах они почти с самого начала нового советского периода именуется татами – горскими евреями или горскими евреями-татами, татами-евреями, а то и просто татами. Язык их еще с конца 19 века, с легкой руки филолога В. Ф. Миллера, прочно стал именоваться «татским», иногда к нему присоединялось пояснительное дополнительное словечко: «еврейско-татское наречие», «татское наречие горских евреев» и пр. Только в самые последние годы среди горско-еврейских филологов обнаруживается тенденция сменить название «татский» на «язык горских евреев». «Сами горские евреи называют свой язык “зухун джухури” ... или просто “джухури”», – пишет составитель словаря и грамматики М. Агарунов (Агарунов М. 2005: 5).

В 1920-х годах зарождается новая концепция «деиудаизации» горских евреев с использованием понятия «тат». В 1927 году в Москве было созвано Всесоюзное совещание по вопросам культурного строительства среди татов (горских евреев). В 1929 году принимается решение о переводе татского языка с древнееврейской графики на латинскую. Все эти инициативы, хотя и делались под прикрытием этнонима и лингвонима «тат», «татский», были нацелены исключительно на горских евреев. Это понимали все, хотя периодически раздавались начальственные директивы распространить достижения новой советской татской культуры «на всех татов». Но эти задачи были невыполнимы, как я писал выше: слишком разными были судьбы и интересы трех разных народов. Но стремление отгородиться от ашкеназов продолжало быть актуальным, особенно по мере того, как в СССР снова после революции подымал голову антисемитизм в своем христианском и мусульманском обличье.

Лингвист Н.-А. Анисимов, родственник И. Ш. Анисимова, в 1932 году формулирует основные принципы позднейшей политики татизации: «1. Таты, называемые горскими евреями, не имеют никаких связей с евреями, которых ассирийские цари привели пленниками в Иран и Мидию; 2. Моисееву веру среди хазар распространили евреи, сбежавшие в 7–8 вв., а может быть и раньше, из Рима; 3. Моисееву веру среди части татов (которые вместе с другими татами были огнепоклонниками) распространили хазары, а может быть и евреи, которые сбежали из Рима на Кавказ; 4. Таты-евреи, мусульмане и христиане составляют единый народ. Их разделила религия – вера Моисея, Христа и Магомета» (Anisimov 1932 – цит. по Агарунов 1995: 23). Сегодня даже странно комментиро-

вать эти тезисы, настолько они представляются беспомощными и безосновательными с точки зрения исторической логики. С пунктом первым еще можно согласиться, если считать «пленниками в Иране и Мидии» так называемые десять потерянных колен. Эта фольклорная традиция происхождения кавказских евреев от десяти колен действительно не имеет под собой никаких исторических оснований. Ни о каких евреях, сбежавших из Рима в Хазарию, так же как и о прозелитической деятельности хазар среди «татов» Восточного Кавказа, исторической науке ничего неизвестно – это чистой воды вымысел. Существование в прошлом единого татского народа не подтверждается никакими документами и весьма сомнительно, если учесть пейоративный характер этнонима «тат», охарактеризованный выше. Сегодня горские евреи снова стали частью еврейского народа, к которому они принадлежали многие века.

Однако отметим здесь, что очевиден не только факт принадлежности этого небольшого народа к евреям, но не менее очевидно и то, что горские евреи – кавказский народ, даже более точно, восточнокавказский, принадлежащий к мусульманской части этого региона. И когда лидеры так называемого «татского движения» говорили о своем народе как о кавказском, они не кривили душой. О том же говорил в 50–80-х годах 20 века покойный ныне знаменитый горско-еврейский этнограф Михаил Мататович Ихиллов, который (один из очень немногих представителей горско-еврейской интеллигенции) пытался многие годы противостоять поддержанной официальными властями Дагестана кампании по «татизации» и «деиудаизации» этой небольшой части еврейства. Он утверждал единство еврейского и кавказского начал в жизни народа, отмечая, что, будучи интегральной частью еврейства, горские евреи могут с равным основанием претендовать на то, чтобы считаться одним из коренных народов Дагестана.

Действительно, в этом есть доля истины, так как любая еврейская этническая группа всегда имеет эти две прочные связи: с еврейством как с целым, которому она принадлежит, и со страной или географическим регионом, в котором она формировалась. Ашкеназы – не только часть еврейства, но и, несомненно, восточноевропейский народ, чья бытовая культура пронизана чертами, понятными без слов любому русскому, поляку, украинцу, румыну. Сефарды до наших дней, через 500 лет после изгнания, вполне могут называть себя «пиренейским» народом, сохраняя не только еврейско-испанский язык ладино, но и чарующую мелодику испанских песен, детали одежды, а главное, почти непонятное ощущение привязанности к исторической родине, которая полтысячелетия на-

зад обрела их на изгнание и странствия по чужбине. Мы узнаем индийцев в современных кочинских евреях, переселившихся в Израиль, видим среднеазиатские черты у бухарских евреев, где бы они ни жили. Эфиопские евреи, перебравшиеся сейчас в еврейское государство, и внешне видом, и культурой гораздо больше напоминают нам эфиопов, нежели, например, горских евреев. Так уж устроена еврейская цивилизация, просуществовавшая две тысячи лет в диаспоре и сейчас медленно, но верно собирающаяся на земле далеких предков, в Земле Израиля. Эта цивилизация, как и все другие великие цивилизации – христианская, исламская, индийская, – была по сути многоэтничной, состояла из множества разных народов, объединенных ощущением причастности к единому целому. Многоэтничность придавала цивилизации ту необходимую вариативность, благодаря которой сама цивилизация могла выжить. Если в результате исторических перипетий или трагедий, так часто случавшихся в жизни еврейского народа, исчезала какая-то одна этническая составляющая еврейства, остальные продолжали жить и нести на себе величие и груз традиции. Так исчезло, ассимилировавшись в крупнейшем народе мира, китайское еврейство. Исчезновение его, конечно же, трагедия, как исчезновение любого народа, большого или малого, обогащавшего своим присутствием палитру человеческой культуры. Но эта трагедия не стала роковой для еврейства, которое несло свой облик, воплощенный в различные этнические костюмы.

Один из этих «костюмов» создан горскими евреями, представляющими собой ветвь, пусть и обособленную, персидского еврейства. Персия, Иран в широком смысле этого слова, называлась в еврейской традиции словосочетанием «Парас-у-Мадай», в котором угадываются названия двух разных в прошлом стран – Персии и Мидии, т. е. в самых общих чертах современных Ирана и Азербайджана. Евреи не только жили в этой большой области издревле – свиток Эстер дает нам намек на ранние стадии еврейского поселения в Персии, – но и создавали на протяжении тысячелетий свои внутренние субэтнические подразделения. К персидскому еврейству относятся не только так называемые «джидаи», евреи современного иранского государства – несколько десятков тысяч их до сих пор живут в Тегеране, Исфагане и других крупных городах страны. К ним же следует причислить и так называемых бухарских, или среднеазиатских, евреев, до недавнего времени живших в Советском Союзе, а сейчас массово эмигрирующих из стран Центральной Азии в Израиль и США. Совсем недавно, на наших глазах, в топке афганской войны исчезло еврейство Афганистана, также часть персидского еврейства

в широком смысле этого слова. Немного раньше, сто лет тому назад, еще существовали еврейские группы в Синьцзяне, видимо частично ассимилировавшиеся с местным уйгурским населением и частично влившиеся в бухарско-еврейские общины Самарканда или Ташкента. Разнообразные фольклорные сюжеты о еврейском элементе, участвовавшем в их создании, окружают сведения о происхождении ряда мусульманских народов региона, таких, например, как пуштуны, крупнейший народ современного Афганистана, несущий знамя исламского фундаментализма, или небольшие народности Восточного Закавказья, до сих пор живущие своей замкнутой жизнью в горных аулах.

Появление евреев на Восточном Кавказе современные исследователи обычно связывают с миграционной политикой персидских Сасанидов. Гораздо более позднее формирование собственно горских евреев, или джухуров, как особой эды следует анализировать на общем фоне истории евреев Ирана последних 500 лет. Особенно интересной в этой связи может оказаться судьба еврейского населения Южного Прикаспия, так называемых евреев-гиляков, отдельные группы которых, как известно, вливались в состав кубинских горских евреев. Другая часть их мигрировала, напротив, на восток и составила основу хорасанских евреев машхади, насильственно обращенных в середине 19 века в ислам. Другой возможный компонент – персидские евреи, говорившие на еврейско-персидском языке «забони имрани», который еще звучал в Еврейской слободе Кубы на памяти Я. Агарунова (Агарунов 1995: 16). Можно упомянуть и об арамеязычных курдистанских евреях лахлухах, генетическое родство с которыми горских евреев отметила в своих работах советский дерматоглифист Г. Л. Хить. Но это все – фрагменты еще не осуществленного исследования об этнической истории горских евреев. Возможно, оно никогда и не осуществится, учитывая драматическую судьбу горских евреев в последние два десятилетия. Что же касается «игр» с этнонимом «тат», восходящих к началу 20 века, то они к исторической и этнографической науке имеют самое отдаленное отношение. Задача их была одна – избавиться от неудобного для горских евреев отождествления с ашкеназами.

Действительно, отношения между ашкеназами и горскими евреями сходны с отношениями между двумя постоянно соперничающими братьями в одной семье. С одной стороны, ашкеназы явно смотрятся в этом союзе как старшие братья, пробившие для горских евреев своего рода «окно в Европу», да и в Израиль тоже. С другой стороны, больно не похожи они на горских евреев во всем, что касается жизни в ее повсе-

дневности. Отношения между горскими евреями и ашкеназами, кстати неоднократно изменявшиеся на протяжении последних пятидесяти лет, стали в середине прошлого века непростыми в силу понятных исторических обстоятельств. Еще в 19 веке горским евреям приходилось убеждать царские власти не распространять на них ограничительное антиеврейское законодательство Российской империи. Уже тогда использовался аргумент, что они «совершенно непохожи на евреев» черты оседлости и вообще у них есть свое название – таты. В предвоенный период ашкеназы пытались нести горским евреям свои представления и практику новой жизни. ОЗЕТ, попытки создания колхозов, переселения в Крым – все это шло от них. С ними же связывался и еврейский национализм, сионизм, бывший популярным среди какой-то части горских евреев в первые десятилетия 20 века, но ставший смертельно опасным при советской власти. И все же в 1920–1930-х годах «татизация» как бы отгораживала горских евреев от европейских, однако не вела еще непосредственно к полному отречению от еврейского наследия.

А затем стряслась трагедия Холокоста, задевшая горских евреев гибелью трех горско-еврейских колхозов: им. Шаумяна (Крым), Богдановки и Менжинска (Курский район Ставропольского края). А Нальчик уцелел лишь благодаря тому, что горско-еврейскому кварталу (т. н. Колонке) удалось доказать немцам, захватившим город, что они вовсе не евреи (Членов 2000: 186–188). После войны, конечно, все знали о том, что произошло на Северном Кавказе и в Крыму. Но напомним, что про Холокост вообще не полагалось говорить в Советском Союзе. Те, кто чудом спасся, предпочитали молчать об этом долгие сорок с лишним лет, пока гласность не развязала их воспоминания. Тем более благоразумно было молчать людям, спасшимся благодаря такому удивительному чуду, как в Нальчике. И горские евреи молчали, но не желали повторения чего-то подобного. Основания к таким опасениям, как мы все хорошо знаем, имелись: конец 1940-х годов явил миру и советским евреям кампанию борьбы с «безродным космополитизмом», уничтожение советской еврейской интеллигенции, «дело врачей». И в этой трагической ситуации у некоторых лидеров маленького еврейского кавказского народа появляется искушение отбросить еврейское наследство и обеспечить себе этим хоть какую-то передышку, а может быть, и спокойную жизнь нескольких поколений. Кто мог предсказать, что через сколько-то лет начнется борьба евреев за эмиграцию из СССР, а еще через сколько-то и сам Советский Союз развалится, и на Северный Кавказ придут братоубийственная война в Чечне, горящий рядом абхазский конфликт, рост

исламизма в Дагестане, которые заставят большую часть горских евреев покинуть насиженные веками места и бежать – кто в Израиль, а кто в Москву, где они будут стучаться не в райкомы КПСС и не в мечети, а в синагоги?.. Но это все – впереди.

А тогда, в 1950–1960-х годах, начинает раздаваться проповедь, опиравшаяся на сформулированные еще в 1930-х тезисы: мы никакие не евреи, мы таты, часть единого иранского арийского народа, пусть не путают нас с евреями и (это уже было нечто новое) пусть разрешат нам менять национальность в паспорте. Началась эта проповедь в Дагестане, где жил цвет национальной интеллигенции. И голос ее, конечно, был услышан в условиях послевоенной советской действительности. «Татизация» падает на унавоженную почву государственного антисемитизма: она удобна дагестанским властям, которые числят татов, но не горских евреев, в числе коренных народностей своей республики. Она, наконец, удобна тем, кто боится наступления модернизации и проникновения разрушающих веяний в горско-еврейский адат, на котором зиждется обычай маленького народа. А здесь приходят свои собственные писатели, инженеры, партийные работники и, указывая на девушку из Москвы в мини-юбке, обращаются к своему народу и говорят: «Вы хотите, чтобы ваши дочери были вот такими?» На что все отвечают: «Нет, конечно, не хотим». – «Тогда запомните: чтобы этого не было, мы должны стать татами и перестать быть евреями».

И переставали. А для доказательства того, что это действительно так, раздобыли в Москве, в Институте этнографии Академии наук СССР, еще и «справку» о том, что так называемые горские евреи на самом деле являются лишь частью единого татского народа, а к евреям отношения никакого не имеют. Для советской этнографии эта история, конечно, позорна, но что скрывать, имела место и она. Чего не сделаешь, чтобы угодить режиму государственного антисемитизма. И многие, очень многие пошли в милицию менять паспорта, а заодно некоторые заходили еще и в ОВИР, чтобы оставить там, на всякий случай, просьбу о воссоединении с родственниками в Израиле.

С тех пор прошло несколько десятилетий. Все переменялось. Обезлюдели насиженные горско-еврейские очаги. Почти опустела еврейская Махачкала, сильно уменьшился в численности Дербент, около 1500 человек осталось в некогда многолюдной Колонке Нальчика, почти опустел Варташен-Огуз, держится только Куба, да сколько еще она продержится? Возникли новые горско-еврейские центры в Москве, Пятигорске. Ну и, конечно, в Израиле, где теперь обитает большинство горских евреев

и где дети, родившиеся и выросшие в еврейском государстве, болтают уже не на татском и русском, а на иврите. Там больше не вспоминают о «татах – героях Советского Союза», а почитают в качестве героя генерала Йекутиэля Адама, израильтянина горско-еврейского происхождения, погибшего во время ливанской войны в 1982 года.

В эмиграции, конечно, термин «тат» применительно к горским евреям неизвестен. В Израиле появился новый этноним – «кавказим», т. е. «кавказцы». Этим словом там называют только горских евреев, к грузинским евреям он не применяется. По аналогии с этим горские евреи в западных странах, в частности в США, стремятся называть себя также *Caucasian Jews*, т. е. «кавказские евреи», вместо кажущегося им непрестижным обозначения *Mountain Jews*, т. е. «горские», или по-английски даже «горные евреи». В России полные права гражданства приобрел термин «горский еврей». Более того, горские евреи признаны одним из малочисленных народов Российской Федерации. Что касается слова «тат», которому посвящена эта статья, то оно также продолжает бытовать на постсоветском пространстве, прежде всего в Дагестане. Согласно конституции этой российской республики, таты рассматриваются как один из коренных народов страны. В Махачкале выходит на татском языке журнал «Ватан» («Родина»), сменивший издававшийся в советское время «Ватан советиму» («Советская родина»). До недавнего времени за татами резервировалось представительское место в Государственном совете. Теперь этот Совет распущен, но в Дагестане есть немало евреев, принявших в свое время татскую национальность и сохраняющих ее. Отмена паспортной фиксации национальности в России в конце 90-х годов сделала эту проблему менее актуальной: сегодня она почти перестала нести идеологическую нагрузку. Хотя, наверное, можно сказать, что евреи, остающиеся татами, в массе своей придерживаются более консервативной, просоветской политической позиции. В российской переписи 2002 года приводится численность и «горских евреев», и «татов». Под теми и под другими скрываются в основном джухуры. Учитывая неправдоподобно низкую численность обеих групп, следует предполагать, что при переписи большинство определило свою национальность просто как еврейскую.

Сегодня джухуры разбросаны по многим странам. Везде, кроме Дагестана и отчасти Азербайджана, они вошли в состав еврейских общин своих регионов. Представители горских евреев Кавказа еще в советское время активно участвовали в воссоздании еврейской общины СССР. Многие участвовали в деятельности крупнейших еврейских организа-

ций – Ваада СССР, Ваада России, КЕРООР, РЕК, ФЕОР и др. В Израиле существует объединение кавказских евреев, в США действуют общественные организации. Но в целом некогда компактное горское еврейство теперь стоит перед совершенно новыми вызовами. Активно протекают ассимиляция и интеграция в иные, еще вчера незнакомые общности. Начинает сдавать свои позиции язык горских евреев, молодое поколение переходит на иврит, английский, русский. Распадаются связи между горскими евреями разных стран. В попытке сохранить эти связи, сохранить то, что в советское время многие надеялись спасти ценой отказа от еврейства, в 2003 году был создан Всемирный конгресс горских евреев, ставший частью Евроазиатского еврейского конгресса.

Агарунов М. Я. Язык горских евреев. Т. 1. Баку: Абилов, Зейналов и сыновья, 2005.

Агарунов, Я. М. Большая судьба маленького народа. М.: Чоро, 1995.

Анисимов, И. Ш. Кавказские евреи-горцы. М.: Наука, 2002.

Anisimov, N. A. Gramatik zuhun tati. M.: Tsentroizdat, 1932. Цит. по: Агарунов Я. М. Указ. соч. С. 23.

Бакиханов А.-К.-А. Гюлистан-Ирам. Баку: Элм, 1991.

Членов, М. А. Между Сциллой деиудаизации и Харибдой сионизма: горские евреи в XX в. // Диаспоры. 2000, № 3. С. 186–188.